

УДК 1(091)(4/9)

В.И. Красиков**УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В РОССИИ XIX в.:
ОСОБЕННОСТИ И МОДЕЛЬ ЭВОЛЮЦИИ***

Анализируется специфика российской университетской философии в XIX столетии, зависящей от ее институциональных особенностей и динамики отношений с государством. Автор предлагает модель развития уни-философии, выделяя четыре этапа ее эволюции: а) рецепция и просвещение; б) период погромов; в) восстановление; г) складывание социальных сетей в уни-философии.

Ключевые слова: русская философия, история русской философии, университеты в России, социальные сети.

Университетская философия в России лишь к концу XIX в. приобрела те черты профессионализма и зрелости, которые характеризуют ее более старших западноевропейских сестер. Однако именно она стала иницирующим фактором в становлении внеуниверситетской, публичной философии, которая дала впечатляющие образцы своего развития в 30–70-е гг. XX столетия.

Образование, особенно высшее, ценилось и ценится везде, но только в России оно давало еще и дворянский титул [1. С. 16]. Культурная роль университетской философии – для создания и поддержания некоего интеллектуального уровня нации – просто безальтернативна. Выдающиеся мыслители порождаются и в среде высших сословий, но там их появление спорадично и ситуативно. Церковь, бывшая долгое время основой просвещения и интеллектуальной деятельности, генерирует догматически и тематически ограниченные умы. Внеуниверситетская, публичная, или, как бы мы сейчас сказали, «медийная» философия (в журналах, газетах, книгах) в России всегда была гораздо влиятельнее, чем учения «господ философского ремесла». Однако эта «полуфилософия», «полупублицистика» всегда рассматривала лишь те из философских проблем, которые касались общественных, моральных или же эстетических вопросов. Соответственно, фавориты ее внимания – этика, эстетика, философия религии, антропология, философия истории. Базовые же разделы философского знания, собственно и создающие вышеобозначенные философские формы, – онтология, гносеология и логика – всегда были малоинтересны и публике, и медийным философам.

И лишь университетская философия относительно институционально стабильна, являясь базовым элементом для сохранения соответствующего уровня философских знаний и компетенций в обществе: просвещает (обучает), подключая русский ум к энергиям европейской мысли, переводит – вбрасывает в образованные круги последние интеллектуальные новации.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке и в рамках выполнения научно-исследовательского проекта № 2.1.3/4245 Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы» 2009–2010 гг. Министерства образования и науки РФ, Федерального агентства по образованию.

Она же – источник кадров философски подготовленных людей, попадающих в течение всего XIX столетия в фокусы российской общественно-политической и литературной жизни. При этом университетская философия на протяжении практически всего XIX в. оставалась более на положении дополнения к публичной, внеуниверситетской философии. Это было обусловлено рядом обстоятельств – как «родовых», т.е. присущих вообще системе высшего государственного образования, так и «видовых», соответствующих историческим особенностям развития российской университетской системы в ее отношениях с «патроном», государством.

Университетская философия – это особая институционально-культурная среда существования философии – и как предмета преподавания, и как самостоятельного профессорского философского творчества, специфику которой всецело определяют ее организационные основы. Проще говоря, университетские преподаватели – те же чиновники государства, только с большим кругозором и живым интеллектом, чья деятельность подчиняется инструкциям, а размеры вознаграждения и карьера зависят от властей предрержащих. Это базовое обстоятельство накладывает свой неизгладимый отпечаток на любую институциональную философию. Вместе с тем отношения с работодателем-государством во многом зависят от культурно-исторической подоплеки последнего, степеней его вмешательства в академическую жизнь. До тех пор, пока вмешательство сильно, а контроль строг и мелочен, университетская философия и, шире, наука находятся в положении копирования, эпигонства более свободных внеуниверситетских образцов творчества. Так было и в Западной Европе – философское творчество развивалось внеуниверситетскими мыслителями. В «университетской революции» в Германии начала XIX в. (Берлинский университет, 1804 г.) ученые мужи, прежде всего представители философского факультета, отвоевали себе существенные права внутренней автономии (так называемые академические свободы) и опробовали новую модель высшего образования, базировавшуюся на состязательных структурах (публичный диспут, диссертация и ее защита, конкуренция с другими профессорами и университетами за привлечение студентов), – модель исследовательского университета [2. С. 833–835]. И тотчас мы видим расцвет академической философии в лице классической немецкой философии. Россия, как и Англия и США, перешла к немецкой модели лишь во второй половине XIX в., и то половинчато, с компромиссами и откатами.

Потому практически весь XIX в. университетская философия в России – это во многом официальная служба со строгим регламентом, как по кругу обязанностей, так и по жесткому определению содержания преподаваемого. Социальные сети в университетской философии вплоть до 60–70-х гг. XIX в. совпадали с чиновничьими, бюрократически-организационными структурами (кафедрами, факультетами). Состав кафедр лишь отчасти зависел от заведующего и во многом – от университетского руководства и даже выше – от министерства. Как и сейчас, в XIX в. «министерство народного просвещения осуществляло контроль над всей системой университетов, в первую очередь за кадрами и за учебными планами» [3. С. 121]. Потому на одной кафедре вполне спокойно могли уживаться люди с альтернативными мировоззрениями, никакой слаженной команды не могло быть. Потому университетские

профессора могли реализовать себя как творческие философы не внутри университетской жизни первой половины XIX в., а вне ее, где и существовали свободные сообщества людей, связанных между собой общностью позиций, целей и имеющих относительно независимую от государства материально-организационную основу в виде коммерческих издательств, газет, журналов, чей успех зависел исключительно от интереса подписчиков и покупателей. Потому практически все мало-мальски творческие и обладавшие даром письма профессора (Погодин, Шевырев, Грановский, Соловьев, Юркевич, Надеждин, Грот, Троицкий, Лопатин, Владиславлев и др.) активно печатались, часто были редакторами журналов, вокруг которых и создавались объединения интеллектуалов – по вопросам социальным, эстетическим и философским.

Внутри же университетов и кафедр жизнь строжайшим образом регламентировалась. Любого нелояльного профессора можно было уволить в кратчайшие сроки и по каким угодно поводам, а философию вообще запретить, что и делалось неоднократно. И если все же философии дозволялось существовать, то именно в качестве предмета преподавания, чье содержание также отслеживалось и предписывалось. Об оригинальности не могло идти и речи, лишь на рубеже XIX–XX вв., после университетских преобразований, установилось правило, которое даже в наши дни воспринимается как утопическое и нереализуемое. По свидетельству Н. Лосского, основным условием для занятия должности заведующего кафедрой в университете являлось наличие у претендентов самостоятельных и оригинальных философских концепций [4. С. 37]. В 1804 г. при университетах были созданы цензурные комитеты, которые определяли, что (темы, философские специальности) преподавать и на что опираться в преподавании. Более того, чиновники в директивном порядке устанавливали, кто должен быть «авторитетом» для университетских философов. Вплоть до 80-х гг. XIX в. власти предписывали изучать в основном Платона и Аристотеля и даже лекции профессуры 60–80-х гг. вращаются вокруг обсуждения тем великих греков. Если же по причинам необходимости преподавания современных дисциплин типа психологии или гносеологии греки уже не могли помочь в принципе, то начальство само определяло «святцы», куда попадали далеко не звезды западноевропейской философии и даже те, кого сейчас могут знать лишь специалисты в области истории философии: Г.Э. Шульце (1808 г. – время «предписания»); Ф.С. Карпе (20-е гг. XIX в.); Л. Ботен (в Киевском университете, в 30-х гг. XIX в.) [3. С. 164, 106, 131].

Потому-то университетские профессора и искали самореализации вне стен университета. Но таковых было немного. Если Шопенгауэр и Ницше имели все основания для критики «господ философского ремесла» в самых тогда свободных немецких университетах, то что уж говорить о 10 (к началу XX в.) российских университетах. Родовыми, т.е. массовыми и типическими, чертами профессии университетского философа были (и есть) скудость творческого потенциала, который гасится тематическими планами, выдумываемыми в цензурных комитетах (сейчас – в головных УМО), требующимися педантизмом, прилежанием и начитанностью.

Лишь XIX в. дает реальный старт развитию университетской философии. Половина века XVIII прошла в топтании на месте немецких местечковых профессоров и первых русских. Всех их объединял пиетет: в методологии и методике преподавания – перед Вольфом и его эпигонами (учебник Баумейстера), в мировоззрении – перед властителями дум того времени – французами (Вольтер, Руссо, Лафонтен, Руссо, Гельвеций). В преддверии XIX в. мы видим «линию Ломоносова»: Н.Н. Поповский, Я.П. Козельский, П.Д. Лодий, М.А. Пальмин и др. [5. С. 23].

Первые два десятилетия XIX в. можно обозначить как первый этап развития университетской философии в России: *рецепция и просвещение*. Тому способствовал ряд важных внешних факторов. Во-первых, это существенная либерализация общественной жизни в первое десятилетие царствования Александра I, события Отечественной войны 1812 г.: либеральная риторика императора, послабления в отношении крепостных, смягчение цензуры, развитие прессы, некоторое религиозное свободомыслие (расцвет масонства, неправославных конфессий). Во-вторых, это смена векторов интеллектуального влияния на русскую мысль: с французского на немецкий, что было связано как с государственным противодействием экспорту революции и цезаризма из Франции, так и с первым знакомством русских с блистательной классической немецкой философией.

Рецепция новых философских идей из Германии, которые надолго станут определяющим фактором развития духовной жизни в России для большей части философских течений, произошла в результате очередного «десанта» немецкой профессуры (в университеты Казани, Москвы, Харькова и Санкт-Петербурга), которая на этот раз оказалась на профессионально более высоком уровне, нежели философские миссионеры из Германии в XVIII в. Это были, прежде всего, кантианец И. Буле и фихтеанец-шеллингианец И. Шад (другие – Ф. Бильфингер, Е. Шварц, И. Фишер, И. Шаден), приобщившие к немецкому философскому креативу М.Г. Павлова, И.И. Давыдова. Именно они, вместе с Д.В. Велланским, А.И. Галичем и П.Д. Лодием, которые осваивали немецких классиков самостоятельно, стали проводниками идей Шеллинга, потом Фихте, Гегеля и Канта в русскую культурную среду. Шеллинг вновь «философски крестил Россию» (после французов), и через него немецкая философия воцарилась на ее просторах на весь XIX и первую половину века XX.

Шеллингианство (потом гегельянство) стало первой объединительной духовной формой, создавшей единое поле интеллектуального внимания не только философской профессуры и интересующейся философией общественности, но и других специалистов. У истоков не только университетской, но и внеуниверситетской (публичной, «журналистской») философии мы находим объединенный эвристический энтузиазм представителей самых разных, зачастую весьма далеких от философии ученых: Д.В. Велланский был медиком и физиологом, И.И. Давыдов – словесником и математиком, П.Д. Лодий – логиком, математиком, юристом, а М.Г. Павлов – физиком и агрономом [6. С. 559–560]. Их объединяло натурфилософское стремление к созданию универсального метафизического мировоззрения в понимании мира и интегрированию, систематизации на этой основе научного знания.

Они оказали сильнейшее иницирующее воздействие на молодежь обеих столиц – как своим эвристическим пафосом, так и необычными универсализующими идеями немецкой идеалистической метафизики. Особенно в этом преуспели М.Г. Павлов, Д.В. Велланский и А.И. Галич. Под их прямым влиянием возникают столь важные для последующего развития уже внеуниверситетской философии кружки: «московских любомудров» (В.Ф. Одоевский, М.П. Погодин, С.П. Шевырев, В.Е. Оболенский, А.Н. Муравьев, Н.В. Путья, Д.В. Веневитинов, А.И. Кошелев, И.В. и П.В. Киреевские, Н.В. Рожалин), А.И. Герцена и Н.В. Станкевича (М.А. Бакунин, В.Г. Белинский и др.). В той же среде в близких отношениях пребывали А.С. Хомяков, В.К. Кюхельбекер, А.С. Пушкин, М.М. Нарышкин, М.А. Максимович, Н.И. Надеждин и др. Как видно из набора имен, здесь присутствуют все основные фигуры великого процесса зарождения самостоятельной философской традиции (правда, в течение полувека внеуниверситетской) в России. Таким образом, именно значенные университетские философствующие профессора:

– передали культурный капитал немецкой философии, создавший единое поле интеллектуального внимания (и взаимопонимания) образованных верхов в России (независимо от спектра политических и социальных интересов);

– зарядили эмоциональной энергией, необходимой для основания новых позиций в новой интеллектуальной ситуации.

Однако далее университетскую философию ожидали трудные времена, поставившие под вопрос само ее существование. Начался второй этап в уни-философии – этап «погромов». Причем атака на философию шла как извне, так и изнутри – историки философии отмечают антифилософские кампании со стороны естествоиспытателей, «софофобию» [3. С. 31]. Все же атаки извне были несравненно более губительны. Император Александр I исчерпал свои лимиты либерализма, и началось постепенное «похолодание» в общественной жизни и системе образования. В 1817 г. был опубликован манифест Александра I, в котором оглашались цели реформы народного просвещения в сторону его более тесной корреляции с религией. Вольнодумные шалости и кокетство с «универсальным христианством» были забыты, православное богословие, Закон Божий были признаны надежнейшим противоядием против тлетворного влияния европейских философских течений. В 20-е гг. XIX в. идут так называемые «дела профессоров»: в 1820 г. отстранили от преподавания философии в Санкт-Петербургском университете П.Д. Лодия, а его книга «Логические наставления» была изъята из учебного процесса как «исполненная опасностями», в 1821 г. – подвергнуты обструкции: А.П. Кунцын за его «Естественное право», А.И. Галич – за «Историю философских систем», признанную «безбожным и вредным направлением», в итоге было уволено 5 профессоров [5. С. 36].

С 1826 по 1835 г. преподавание философии в Московском университете было запрещено [7. С. 26]. Однако главный удар был впереди. В 1849 г. министр просвещения П.А. Ширинский-Шахматов употребил легендарную фразу, ставшую идеологическим обоснованием репрессий против университетской философии в контексте впечатления от европейских событий 1848 г.: «польза от философии не доказана, а вред от нее возможен». И 22 июня

1850 г. было опубликовано Высочайшее повеление Императора, согласно которому философские кафедры и факультеты по России (кроме Дерптского университета, практически немецкого по составу студентов (в то время) были закрыты, оставили для преподавания лишь логику и опытную психологию, читать которые поручили профессорам богословия и законоучителям [З. С. 157].

Лишь начало нового либерального цикла развития России, связанного с правлением уже Александра II, привело к восстановлению университетской философии указом от 22.02.1860. Оттепель продолжалась, и в 1863 г. был принят новый университетский устав, давший довольно широкую автономию университетам.

Так начинается третий период (60–70-е гг. XIX в.) в развитии уни- философии – период *восстановления и развития* на новой, более либеральной основе, характеризующийся интенсификацией взаимодействия с двумя другими философскими средами в России: духовно-академической философией и публичной, а также возобновлением активных контактов с немецкими университетами в подготовке философских кадров. Первое время была серьезная проблема с кадрами, которая решалась именно за счет приглашения профессоров из духовных академий, видных философски образованных публицистов и командировки в Германию наиболее способных студентов.

«Заморозки» были и после возобновления, так, в 1884 г. был принят реакционный устав, лишивший университеты многих прав, а преподавание философии вновь было заключено в благородные платоно-аристотелевские, но все же оковы. Однако двадцатилетия относительно свободного развития вполне хватило для того, чтобы университетская философия оказалась уже более устойчивой и, что самое главное, в новом качестве внутренне более консолидированной. В 60–70-е гг. заново складывается профессорская философская корпорация, начало которой в Санкт-Петербургском университете положил профессор М.И. Владиславлев (1840–1890). Его учениками стали целый ряд главных фигурантов линии «питерского критицизма» в уни- философии конца XIX – начала XX в.: А.И. Введенский, Н.Я. Грот, Э.Л. Радлов, Я.Н. Колубовский и др., уже ученики учеников [5. С. 83].

В Московском университете роль зачинателя принадлежит профессору П.Д. Юркевичу из Киевской духовной академии, инициировавшему через своего знаменитого ученика В.С. Соловьева, представителя одной из уже складывавшихся профессорских династий, «московскую метафизическую» линию философской преемственности.

В Дерптском университете видный представитель немецкой философии Г. Тейхмюллер, 17 лет (1870–1887) преподававший русским студентам свое оригинальное неолейбницианское учение, положил начало яркой линии русского персонализма: И.Ф. Озе, Е.А. Боброва, А.А. Козлова и их учеников – С.А. Аскольдова, Л.М. Лопатина, Н.О. Лосского.

Важными моментами консолидации интеллектуального внимания в ведущих университетах (Московский и Санкт-Петербургский) и складывания двух отчетливо доминировавших позиций в то время послужили две «фокусные» дискуссии. Первая состоялась в 1867 г. между видным представителем духовной академии, рекрутированным в Московский университет в ка-

честве заведующего кафедрой философии (1864–1873) прот. Ф.Ф. Сидонским и молодым философом, будущим заведующим кафедрой того же университета (с 1875 г.) и главой университетского позитивизма М.М. Троицким – по поводу книги последнего «Немецкая психология в текущем столетии ...». Она утвердила идеи английского эмпиризма в университетской среде, нашедшие весьма благосклонный прием у естествоиспытателей, что и обеспечило спустя восемь лет победу их пропагандисту на ученом совете Московского университета над В.С. Соловьевым в конкурсе на вакантное место заведующего кафедрой.

Соловьеву же пришлось защищать и магистерскую, и докторскую диссертации в Санкт-Петербургском университете, так как Московский университет временно становится вотчиной позитивистов во главе с М.М. Троицким. Особое значение для возрождения на качественно новой основе метафизики – как в университетской, так и в неуниверситетской философии – сыграла защита В.С. Соловьевым в 1874 г. магистерской диссертации «Кризис западной философии». После столетия подражательства и заимствований Соловьев, продолжая одну из традиций публичной философии (славянофилов) совершает прорыв в философском развитии обеих философских сред, помещая в фокус внимания благодатную и щекоющую национальное самодлюбие после столетия откровенного либо косвенного заимствования и подражательства философской Европе тему – тему «смерти западной философии». Западная философия, в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания, окончила свое развитие, что нашло выражение в одностронности и формализме главных течений западной философии – эмпирического и иррационалистического. Хотя это и произвело сильное впечатление и дало хороший старт философской карьере Соловьева, ушедшего впоследствии в публичную философию, уни-философия все же в целом более тяготеет к западничеству, духовному импорту, что нашло отражение в проектах А.И. Введенского, Г.Г. Шпета и Б.В. Яковенко.

Предшествующий, восстановительный период сделал возможным наступление четвертого периода (80–90-е гг. XIX – первые десятилетия XX в.) – *появления полноценных социальных сетей в университетской философии*. Начинается формирование новых коммуникативных и организационных структур, поддерживающих общее пространство интеллектуального внимания и обеспечивавших в ставших постоянными дискуссиях дифференциацию и отчетливость разных мировоззренческих позиций – в уже неформальной университетской философии.

В это время появляются специализированные философские периодические издания. Первым в России философским журналом стал «Философский трехмесячник» А.А. Козлова (Киев, 1885–1887), он же потом выпускал периодические сборники «Свое слово» (1888–1898). Однако центральным органом академической философской жизни стали «Вопросы философии и психологии» (1889–1918. № 1–142), инициированные Н.Я. Гротом и М.М. Троицким (издатель – А.А. Абрикосов) [6. С. 457, 980].

Площадками для философских дискуссий, докладов и их обсуждения, также организационными формами консолидации «направлений» – в рамках и университетской, и внеуниверситетской философии, стали многочислен-

ные общества, появившиеся в конце XIX – первых двух десятилетиях XX в. Первым было Московское психологическое общество (психология была в то время частью философии, философской дисциплиной), обсуждавшее не только вопросы познания, но и метафизики). Созданное и возглавляемое М.М. Троицким (1885), оно имело первоначально позитивистскую направленность. Но И.Я. Грот, возглавивший указанное общество в 1888 г., повернул его в сторону своей «метафизической» группировки (Л.М. Лопатин, С.Н. Трубецкой). В 1897 г. возникло Философское общество в Санкт-Петербурге (до 1922 г.), издававшее Труды – переводы классиков мировой философии. В 1905/06 г. вокруг книгоиздательства «Путь» образовалось Религиозно-философское общество памяти Вл. Соловьева (до 1918 г.). Подобное же Религиозно-философское общество было создано и в Санкт-Петербурге (1907–1917 г.), издававшее также «Труды Санкт-Петербургского религиозно-философского общества». В 1911 г. было создано Санкт-Петербургское философское собрание (порядка 50 человек во главе с А.В. Вейдеманом). Позже в Москве появилось Московское общество по изучению научной философии (председатель – Н.Н. Алексеев, сопредседатели Г.Г. Шпет и В.П. Карпов) [8. С. 950].

Однако решающим признаком складывания устойчивых социальных сетей университетской философии в конце XIX в. явилось создание в этом, уже едином, поле интеллектуального внимания (которое обеспечивалось журналами и обществами) конкурирующих философских позиций, представленных определенными группами мыслителей, связанных внутри отношениями партнерства или преемственности, ведущих между собой яростные мировоззренческие баталии. Одни из них можно назвать сильными, так как они притягивали к себе повышенное внимание и поддержку интеллектуального сообщества – университетского и внеуниверситетского, другие – слабыми, они не отличались той же мерой популярности.

В Московском университете и связанных с ним кругах в 70–90-х гг. XIX в. основной интригой философской жизни стало соперничество двух сильных позиций в поле интеллектуального внимания: «нового» позитивизма и «московской метафизики». М.М. Троицкий, Н.Я. Грот (в первой половине своего творчества), В.Н. Ивановский являлись лидерами русского университетского сциентизма. В.С. Соловьев, братья кн. С.Н. и Е.Н. Трубецкие, Л.М. Лопатин (тяготевший более к персоналистическому варианту метафизики) выражали интересы философов, имевших онтологические приоритеты в своем творчестве и ориентировавшихся на спекулятивный идеализм, таких как П.И. Новгородцев, Б.П. Вышеславцев, Н.Н. Алексеев и др.

Другая сильная позиция сложилась и доминировала в Санкт-Петербурге. Это школа критического трансцендентализма (его еще называют кантианством и неокантианством) в Санкт-Петербургском университете во главе с его лидером А.И. Введенским и его учениками И.И. Лапшиным, В.Э. Сеземаном, В.А. Савальским, С.И. Гессеном. К ним затем примкнули молодые русские феноменологии Г.Г. Шпет и А.Ф. Лосев. Слабой позицией в Санкт-Петербурге оказалась метафизика персоналистического толка, представленная Н.О. Лосским и С.А. Аскольдовым (в других университетах – Е.А. Бобровым, И.Ф. Озе, Н.А. Бугаевым, П.А. Некрасовым).

Таким образом, университетская философия в России имеет свои характерные особенности и трудную историю развития, связанные с ее государственно-институциональным основанием. Вместе с тем у ее эволюции есть довольно сходные с аналогичными западноевропейскими образованиями черты. В XIX в. университетской философии не довелось стать лидером российского интеллектуального развития, как это удалось немецкой унифилофии. У нас таковым явилась внеуниверситетская публичная философия. В конечном счете университетская философия продемонстрировала свою решающую роль как субстанциального основания отечественной философской культуры – в двух знаменательных эпизодах интеллектуального развития. Во-первых, она, собственно, и инициировала развитие публичной философии через деятельность философских культуртрегеров двух первых десятилетий (Велланский, Павлов, Давыдов, Галич и Лодий). Во-вторых, своим вторым рождением в 70-е гг. она через Вл. Соловьева вновь придает новый творческий импульс «самобытности» развитию публичной философии. Наконец, в-третьих, в начале XX в. налицо уже практический симбиоз университетской и внеуниверситетской философии в новых для России образованиях – добровольных ассоциациях, сообществах.

Литература

1. *Бажанов В.А.* Прерванный полет: История «университетской» философии и логики в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995.
2. *Коллинз Р.* Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
3. *Пустарнаков В.Ф.* Университетская философия в России: Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2003.
4. *Черников Д.Ю.* Московское психологическое общество: (К истории становления антропологии в России) // Человек. 2008. № 1. С. 33–43.
5. *Философия в Санкт-Петербурге (1703–2003): Справ.-энцикл. изд.* СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003.
6. *Алексеев П.В.* Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Академический проект, 2002.
7. *История философской мысли в Московском университете.* М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
8. *Яковенко Б.В.* Мощь философии. СПб.: Наука, 2000.